The illustration depicts a child standing in a snowy, wintry landscape. The child is wearing a bright red winter jacket with white buttons, light blue pants, and brown boots. On their head, they wear a green and white striped hat with a pom-pom. The child is holding a small, green, snowflake-shaped object in their hands. The background is a dark blue sky filled with white snowflakes, and the ground is covered in snow. In the distance, there are snow-covered trees and a small body of water with a few ice floes. The overall scene is peaceful and wintry.

Александр Турханов

Грустный гном, весёлый гном

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Александр Геннадьевич Турханов
Грустный гном, весёлый гном
Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8056087

*Грустный гном, весёлый гном / Александр Турханов ; рис. О.
Боловищевой. – Москва. «Детская литература» 2017: Детская
литература; Москва; 2017
ISBN 978-5-08-006043-4*

Аннотация

Добрая и увлекательная повесть Александра Турханова о музыкально одарённом мальчике стала лауреатом IV Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков.

Однажды у Антошки появилось маленькое игрушечное пианино. Мир звуков увлёк мальчика; оказалось, что он обладает абсолютным слухом. А ещё у него редкий дар – умение вслушиваться в музыку. Всё, что видит Антошка, он хочет передать звуками: и стеклянный дождь, и танцующего вальс неуклюжего дракона. Впечатления каждого дня рождают мелодии – порой светлые, а порой и сумрачные, но всегда необычные и талантливые.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Дом на Тихой улице	8
Войсы и игрушечное пианино	11
Дедушка Илья	18
Подарок	28
Как папа готовил Антошку в музыкальную школу	32
Вступительные экзамены	41
Первый школьный день	54
Как Антошка нарисовал утро	66
Храбрая белка и бабушкино лето	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Грустный гном, весёлый гном

Александр Турханов Грустный гном, весёлый гном

Моей жене Виктории Лебедевой посвящаю

Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова

Российский Фонд Культуры
Совет по детской книге России

Рисунки Ольги Боловинцевой

Дом на Тихой улице

В самом центре большого красивого города стоит старый двухэтажный дом. И в этом доме живёт Антошка с папой, мамой и бабушкой. Раньше, как рассказывала бабушка, это была дальняя окраина. Называлась она Тихой. Такое имя дала окраине речка Тихоня, что и сейчас здесь протекает.

Когда дом только построили, он был самым большим в округе. Его выстроили из серого камня, и он гордо возвышался над маленькими деревянными бараками. Жители ба-

раков прозвали новый дом «генеральским», хоть никакие генералы там не жили. А жили самые обычные люди.

Постепенно город становился всё больше. На месте покосившихся деревянных домиков появились новые улицы, район застроили трёх-, четырёх- и пятиэтажками. И дом уже не был самым большим в округе. Но всё же его по старой памяти называли «генеральским».

Прошло ещё много лет, и вот уже трёх-, четырёх- и пятиэтажки пошли под снос. На их месте выросли огромные монолиты. Только «генеральский» дом всё стоял на прежнем месте. Первое время дома-великаны снисходительно смотрели на крохотный домик-гномик. «Гномик» боялся, что они могут двинуться на него и раздавить. Но шли годы. Великаны к маленькому соседу привыкли и совсем перестали обращать на него внимание. «Гномик» понял это и успокоился. Только иногда вздрагивал ночью всем своим старым, потрескавшимся телом. И вздыхал.

В доме было всего четыре квартиры – две на первом этаже и две на втором. Антошкина семья жила на первом. В квартире напротив – Самойловы, муж и жена. Но Антошка Самойловых редко видел. На втором этаже, над Самойловыми, обитал дедушка Илья. А над Антошкой когда-то давно, целых сто лет назад с хвостиком, жил знаменитый художник. В этой квартире он написал свои самые известные картины. Но сейчас там никто не жил. Потому что совсем скоро «генеральский» дом тоже должны были снести, и когда кварти-

ра освободилась, туда больше никого не поселили.

Войсы и игрушечное пианино

В детский сад Антошка не ходил. То есть он сначала пробовал ходить, целых два дня. Потому что папа считал, что ребёнок должен расти среди своих сверстников.

– Если ребёнок будет ходить в детский сад, – говорил папа убеждённо, – то организм на всякие вирусы выработает иммунитет. И в школе Антоха меньше будет болеть!

– Хотите угробить парня, не иначе. Нечего ему там делать! Пусть дома сидит. Целее будет, – возражала бабушка.

Мама смотрела то на бабушку, то на папу. И только головой качала.

Когда Антошку в первый раз отвели в детский сад, вечером мама сказала папе:

– Мне так его жалко стало, когда среди других ребят увидела. Он самый маленький в группе! Гномик просто...

– Подумаешь, маленький, – возразил папа. – Я тоже в классе самым маленьким был. Но ничего, вырос. И по росту обогнал даже тех, кому едва до плеча доставал... Вырастет и Антоха.

Но на третий день в саду Антошка сильно заболел. И болел ужасно долго – бронхитом.

Бабушка на родителей ворчала:

– Что я говорила?! Гробите ребёнка! Буду сама за ним присматривать: слишком он слабенький для сада вашего!

Мама и папа были так напуганы болезнью Антошки, что уступили и из детского сада сына забрали. Вот и получилось, что, пока мама и папа были на работе, Антошку воспитывала бабушка.

Когда Антошке исполнилось четыре года, бабушка отдала ему старое мамино игрушечное пианино.

– Боже мой! – воскликнула мама удивлённо, когда увидела. – И всё это время ты его хранила?!

– Раритет, – улыбнулся папа.

– Это вы, молодые, всё выбрасываете. Скоро и меня выбросите... – ответила бабушка и обиделась. Она знала толк в обидах и даже в самых обыкновенных словах могла отыскать для обиды серьёзную причину. Скажешь ей, к примеру, «иди чай пить» – а она уже сердится на что-то. Все давно к этому привыкли. Поэтому мама не стала спорить с бабушкой. Она рассматривала пианино, гладила крышку и улыбалась.

– Это пианино стояло в моём кукольном домике, – вспомнила мама. – Когда у кукол был праздник, они по очереди подсаживались к инструменту и играли вальсы.

Мама тукнула по клавише. Раздался тихий звук, будто кто-то запел тоненьким голоском. Антошка прислушался. Потом сам тронул клавишу. Пианино и ему ответило – и голос его стал поувереннее и повеселее.

– Вот и тебя человечек дождался, – сказал папа. – Раньше с мамой играл. Теперь с тобой играть будет.

– Какой ещё человечек? – растерялась мама. – Опять ты что-то выдумываешь?

– Да так... – улыбнулся папа. – Потом расскажу.

Вечером, когда Антошка уже лежал в постели, папа зашёл к нему в комнату и рассказал сказку.

– Когда-то очень давно на земле жили два народа – люди, как мы, и невидимые глазу крохотные существа.

– А как они назывались? – спросил Антошка.

– Войсы, – ответил папа, немножко подумав. – Это были очень красивые существа. Особенно женщины. А ещё вой-

сы умели летать. У них за спиной росли по два маленьких крылышка. Правда, летали они невысоко и небыстро. Вот какой это был народец. Бойсам жилось на земле трудно. Они были такие крохотные, что большие люди их не замечали. Например, побежит какой-нибудь человеческий ребёнок – и нескольких войсов раздавит. И они не успевали отскочить или отлететь в сторону – такие были маленькие и слабые.

Антошка слушал папу внимательно, не перебивал.

– Тогда войсы решили уйти жить в лес. Но и в лесу было не скрыться от людей. Вот придёт большой человек за дровами, взмахнёт топором, чтобы срубить дерево, – и парочку войсов зашибёт. А рассказать людям о своих несчастьях войсы не могли. Потому что были не только невидимы для людей, но и услышать их тоже было нельзя: они говорили так тихо, что звуки их голоса человеческий слух уловить не мог.

– Их, что ли, всех раздавили? – спросил Антошка испуганно. Ему было ужасно жалко маленьких беззащитных войсов.

– Нет, Антошка. Слушай дальше. Как-то собрались человечки на совет и решили улететь с Земли на другую планету, где никаких людей нет. Решили так: сначала самый сильный из них начнёт подниматься вверх, к синему небу. За его ноги ухватится другой, потом третий, четвёртый... Так они будут помогать друг другу и скоро долетят до какой-нибудь далёкой звезды. И вот войсы полетели. Кто-то из людей видел, как в безоблачном небе блеснула серебряная ниточка и по-

гасла. Но этот человек подумал,

что мимо пролетела паутинка. Только ничего у войсов не

получилось. Все они тянули друг друга за ноги – вниз. И самому сильному было всех тяжелее. Так что, не поднявшись даже выше деревьев, они шлёпнулись обратно на землю.

– Ударились?! – ужаснулся Антошка.

– Несильно, – успокоил папа. – Многие войсы были даже рады, что не удалось долететь до звезды: они любили нашу Землю – тёплое солнце, зелёные деревья и траву, синие реки и озёра. Им нравилось жить тут – но как сделать так, чтобы никто больше не погибал? Они опять собрались на совет. Стали думать. Думали долго-долго и придумали вот что... На Земле они поселятся в музыкальных инструментах. Так они не только спасутся от гибели, но и сделают, чтобы люди их услышали. И люди правда услышали!

– Как? – удивился Антошка.

– А очень просто! – ответил папа. – Войсы говорят с нами при помощи музыки. И в маминном игрушечном пианино тоже живёт крохотный человечек-войс. Ты нажимаешь на клавишу – и он тебе отвечает. Только ты пианино не ломай, чтобы внутрь заглянуть. А то знаю я тебя. Сам таким был – любопытным. Захочется на человечка взглянуть – и пианино разломаешь.

– Я не буду ломать, – пообещал Антошка серьёзно.

Пианино стало его любимой игрушкой. А для бабушки – «головной болью» и «страстью Господней». Антошка целыми днями на слух подбирал весёлые детские песенки из мультиков. Только ему иногда звуков не хватало, потому что

клавиш на пианино было совсем мало. И тогда он начинал сочинять что-то своё. А ещё на старом мамином игрушечном пианино было очень трудно играть двумя руками – вечно они друг об друга спотыкались и мешали.

Дедушка Илья

Сосед со второго этажа, дедушка Илья, любил сидеть на лавочке перед подъездом. Одной рукой он опирался на троточку, а другой разбрасывал хлебные крошки. И всегда вокруг было много птиц. Антошка знал от папы с мамой, что дедушка был когда-то дирижёром большого симфонического оркестра. И папа шутил, что дедушка теперь дирижирует птичьим хором.

Для Антошки у дедушки Ильи всегда был припасён подарок – конфетка, яблоко или мандаринка.

Однажды дедушка зашёл к ним домой и попросил папу помочь починить кран на кухне.

– С большим удовольствием, Илья Андреевич, – согласился папа. – Вот и Антоху с собой прихватим. Не возражаете?

– Буду очень рад, – ответил дедушка Илья.

– Заберите их от греха, – улыбнулась мама. – Я хоть до генералу спокойно...

Было воскресенье, и мама решила сделать в квартире генеральную уборку. А когда мама делала генеральную уборку, Антошке с папой всегда хотелось бежать из дома подальше – может быть, даже улететь на Луну.

– Это не мужчины со мной живут, – говорила мама, – а поросята! – И ругала за беспорядок на полках, сор в углах, жирные пятна на столе перед компьютером.

Поэтому папа и Антошка с радостью пошли на второй этаж чинить кран.

В квартире у дедушки Ильи играла тихая музыка и было сумрачно. Пока папа с дедушкой разбирались с краном, Антошка сидел в кресле-качалке и рассматривал комнату. Хотя стоял солнечный день, окна были задёрнуты плотными зелёными шторами, на столе горела лампа. Все стены были заставлены высокими, до потолка, книжными полками.

В углу стояло пианино с открытой крышкой и нотами на подставке. Антошка подошёл ближе. На корпусе пианино были вырезаны узоры, свет от лампы отражался в бронзовых подсвечниках, а клавиши были не белые, а светло-жёлтые. Антошка нажал клавишу и замер от восторга. Звук был живым и ласковым, совсем не похожим на глухое дребезжание кукольного пианино.

Антошка нажал другую клавишу. Потом ещё одну. И ещё...

– Поменять бы надо «ёлочку», Илья Андреевич, – сказал папа, возвращаясь с дедушкой в комнату. – А то рвануть может. И так уже еле дышит. Вы купите только, я вам живо поставлю.

– Спасибо, Гриша... – Дедушка Илья посмотрел на Антошку, замершего около инструмента. – Нравится?

– Раритет, – сказал папа. Он наклонился над подставкой для нот и прочитал: – «Циммерман», тысяча восемьсот девяносто пятый год... Ух ты! Я такого и не видел никогда. Немецкое...

– Это мне ещё от деда досталось. – А у нас, – улыбнулся папа и подмигнул сыну, – у нас непонятно что. Верно, Антоха?

– Мне ваша мама говорила, что Антон музыку любит, – сказал дедушка. – Давайте его послушаем.

Он выключил магнитофон, подозвал Антошку к себе, стал громко хлопать в ладоши – и велел повторять.

Это была смешная игра и совсем нетрудная. Антошка всё повторил – и выиграл. После этого дедушка Илья попросил, чтобы Антошка спел песенку. Антошка спел про кузнечика. После песенки нужно было повернуться к пианино спиной и не подглядывать. Это тоже была интересная игра: дедушка нажимал клавишу и просил Антошку эту клавишу найти. Потом стал нажимать клавиши по две, по три или сразу много и спрашивал, сколько он сейчас клавиш нажимает.

Антошка ещё не очень хорошо помнил цифры, поэтому показывал на пальцах – две, четыре, семь – и ни разу не ошибся. Дедушка хвалил, говорил:

– Умница, внучек... – И повторял, уже для папы: – Это замечательно, замечательно!

И вот дедушка Илья нажал сразу девять клавиш, хитро посмотрел на Антошку и попросил сказать, сколько тут звуков. Услышав этот аккорд, Антошка заметно погрузтел, опустил голову и стал рассматривать пол под ногами.

– Не угадал? – тихо спросил папа.

– Здесь другое... – шепнул дедушка, внимательно глядя на Антошку. – Подождите...

Когда звуки совсем исчезли, Антошка поднял голову и посмотрел на дедушку.

– Красиво, правда? – спросил дедушка. – А сколько тут звуков? Сколько клавиш я нажал?

Девять – показал Антошка на пальцах.

– Правильно, что ли? – Папа с сомнением смотрел на дедушку Илью.

– Абсолютно! – улыбнулся дедушка.

– Ёлки-палки! – воскликнул папа удивлённо.

Тут в дверь позвонили. Это мама пришла за ними, позвала обедать. Она уже перестала убираться, и можно было без страха возвращаться домой. Дедушка Илья, когда уже стояли в коридоре, подарил Антошке книжку – «Маленькие прелюдии и фуги» Баха.

– Какие странные букочки! – удивился Антошка. – На жуков похожи.

– Это ноты. Видишь, музыку тоже можно записывать на бумаге, как сказку, – объяснил дедушка Илья.

Антошку волшебная книжка, в которой музыка написана вместо слов, заморозила. Он держал её двумя руками, раскрытую, и рассматривал.

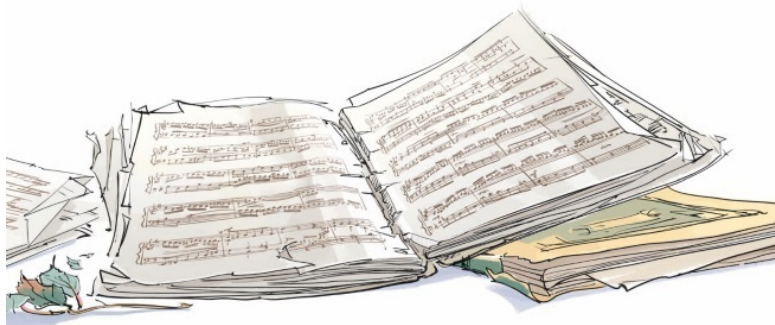
– Скажи дедушке спасибо! – напомнила мама.

– Спасибо! – спохватился Антошка.

– У вашего сына очень хороший музыкальный слух, – на прощание сказал дедушка Илья. – На мой взгляд, абсолютный. Но важнее то, что он умеет вслушиваться в звуки. И очень на них откликается. Душой откликается, понимаете? А это уже редкий дар.

Учите его музыке обязательно. У нас талантливых много, да только наученных мало. Учите.

Дедушка посмотрел на Антошку весело, но и грустно тоже. И, как взрослому, пожал на прощание руку.

Подарок

Папа очень обрадовался, что дедушка Илья похвалил Антошку. Весь день он был взволнован. А вечером признался, что давно хотел отдать Антошку учиться играть на пианино.

– Почему именно на пианино? – спросила мама. – Мне, например, очень скрипка нравится.

– Потому что пианино – самый мужской инструмент, – гордо ответил папа.

– Почему это он мужской? – возразила мама. – Разве мало женщин на нём хорошо играют?

– Много женщин на нём хорошо играют. Но только все великие пианисты – мужчины.

– Так уж сразу и скажи, что все великие люди – мужчины, – улыбнулась мама. – А нам, женщинам, на них надо целый день у плиты трудиться, чтобы их величие не проголодалось.

– Зачем же целый день? Можно только три раза – на завтрак, на обед и на ужин.

– Это и есть целый день... – вздохнула мама. – И по-моему, никакое величие здесь ни при чём. По-моему, ты сам жалеешь, что в детстве музыкальную школу бросил. Вот и хочешь, чтобы сын за тебя теперь отдувался.

– А вот и не угадала! – не согласился папа. – Мы, мужчины, никогда о прошлом не жалеем!

Вечером, когда Антошка уже лежал в постели, папа зашёл к нему в комнату. Он всегда перед сном заходил к Антошке поболтать немного. Они стали говорить о дедушке Илье.

– Молодец Илья Андреевич, – сказал папа. – Спасибо ему большое. А я вот что сделаю... Сам куплю ему новый смеситель и поставлю. Пойдёшь со мной?

Антошка радостно кивнул. Папа пожелал ему спокойной ночи. А уже на пороге комнаты остановился и шёпотом признался, что мама права. Он действительно бросил учиться на пианино. Давным-давно, в третьем классе. И теперь ему ужасно жалко, что он тогда поленился.

– Ты уж не ленись, если учиться начнёшь, – попросил папа, уходя.

– Не буду, – пообещал Антошка. – А это долго?

– Долго, Антоха. Семь лет.

– Дольше, чем до Нового года? – уточнил Антошка.

– Гораздо дольше! – рассмеялся папа.

Папа ушёл. Антошка опять стал думать о дедушке Илье. Ему очень хотелось ещё раз сходить к нему в гости.

Но больше они дедушку Илью не видели. Назавтра скамейка перед подъездом была пуста. И на следующий день тоже. А ещё через день папа сказал Антошке, что дедушка заболел, его положили в больницу. Папа с мамой поехали навестить дедушку. Вернулись грустные. У мамы были заплаканные глаза. Папа, пока раздевался, хмурился и кусал губы.

– Помер? – спросила бабушка, сразу обо всём догадав-

шись.

Мама кивнула и опять заплакала.

А ещё через несколько дней к ним домой пришёл дедушкин племянник Константин. Они немного поговорили в комнате родителей. Потом папа с мамой вышли провожать гостя. Дядя Костя посмотрел на Антошку, взъерошил ему волосы и сказал:

– Дерзай, парень.

Когда он ушёл, мама обняла Антошку и сказала, что дедушка Илья подарил ему своё пианино. Сначала Антошка обрадовался, что дедушка жив, раз подарил пианино. Но мама грустно сказала, что дедушка умер. Но ещё когда был жив и лежал

в больнице, попросил дядю Костю насовсем отдать пианино Антошке.

На следующий день инструмент перенесли к ним домой и поставили в Антошкину комнату.

– Добрый человек Костя, – сказал папа. – Этот раритет таких денег стоит! Мог ведь продать. Но не пожадничал.

Весь вечер Антошка провёл за пианино. Мелодии получались и весёлые, и грустные. Но сегодня Антошке это не нравилось. Он, прислушиваясь к себе, пытался подобрать аккорд, что играл ему дедушка. Но не мог. А ему очень хотелось найти тот аккорд, потому что он был грустным и весёлым одновременно.

Как папа готовил Антошку в музыкальную школу

После того как в Антошкиной комнате появилось настоящее пианино, Антошка с папой часто играли в «дедушкину игру».

– Угадай-ка вот эту мелодийку, – говорил папа и нажимал несколько клавиш друг за другом.

Антошка сидел к инструменту спиной, слушал. Потом подходил к пианино и очень быстро, не задумываясь, находил звуки, которые сыграл папа, раз – и всё. Сначала папа сомневался, правильно ли повторяет Антошка, ведь слух у папы был так себе. Но потом придумал, как проверять сына. Перед тем как задать Антошке мелодию, он включал в телефоне диктофон. А потом, когда Антошка повторял, сверял с записью. И ни разу сын не ошибся.

– Класс! – восхищался папа. – Ну ты, Антоха, даёшь! Как же ты их слышишь?

Антошка объяснял, что узнать звуки очень просто, ведь они все разные, у всех клавиш разные голоса – весёлые, грустные, сердитые, ласковые. Но папа не понимал. И Антошке было очень жаль, что папа его не понимает. Но играть всё равно было интересно.

– Давай теперь я угадаю, – говорил папа и садился к пиано-

нино спиной.

Антошка не хотел обижать папу и нажимал не две, не три, а всего одну клавишу. Папа подходил к пианино. Начинал искать ноту, которая только что прозвучала, смотрел на Антошку, с сомнением спрашивал:

– Она? Нет?

– Нет, – качал головой Антошка.

Папа нажимал другую клавишу. Опять смотрел на сына.

– Не-а... – говорил Антошка и будто невзначай трогал, не нажимая, ту клавишу, которую искал папа.

– Ага... нашёл! – радовался папа и нажимал клавишу по подсказке. – Угадал?

– Угадал!

– То-то! – торжествовал папа.

– Опять подсказывал? – спрашивала мама, входя в комнату.

Папа подмигивал Антошке, Антошка – папе. И они хором отвечали:

– Нет!

Иногда и мама играла в «дедушкину игру». Угадывать отдельные звуки у неё получалось лучше, чем у папы. Но если Антошка собирался задать две клавиши, мама просила, чтобы они были недалеко друг от друга.

– Подожди-ка, – останавливал папа и включал диктофон.

Антошка задавал две ноты. Мама находила сначала одну, потом другую. Папа в диктофоне повторял запись, вздыхал.

А мама с улыбкой смотрела на мужа.

Один раз бабушка тоже попробовала сыграть в «дедушкину игру». Антошка задал бабушке клавишу. Бабушка нажала другую и сказала убеждённо:

– Она!

– Не она, – возразил Антошка.

– Она! – повторила бабушка тоном, не терпящим возражений.

– Не она, мам, – поддержала Антошку мама.

А папа прокрутил в подтверждение диктофонную запись.

– Она! – сердито буркнула бабушка и вышла из комнаты, поджав губы.

– Почему бабушка сердится? – расстроился Антошка.

– Потому что она не угадала, – улыбнулась мама.

Поняв, что у Антошки и правда очень хороший слух, папа решил серьёзно взяться за подготовку к поступлению в музыкальную школу.

Он нашёл в Интернете адреса школ, зарегистрировался на разных преподавательских форумах. Музыкальных школ в городе оказалось много, и одна совсем рядом с домом, на соседней улице. Многие музыканты с мировым именем когда-то учились там. Требования для поступающих детей были в этой школе очень высокими. И папа заволновался: вдруг Антошку не примут?

– Там, поди, сплошь гении и вундеркинды учатся, – говорила бабушка, – а простых детей не берут.

– Что ты такое говоришь? – возразила мама. – А что, вундеркинд не ребёнок? Да он в первую очередь ребёнок!

Но бабушку, как всегда, было не переспорить.

В один из последних апрельских дней папа с Антошкой пошли посмотреть школу. Это было большое трехэтажное серое здание. Во дворе за железной оградой росли кусты и деревья. Дорожки были выложены тёмной плиткой. А среди деревьев и на дорожках играли дети. Это были самые обычные дети. И если среди них сейчас играли гении и вундеркинды, то они ничем не отличались от остальных.

Стали готовиться к поступлению. Папа вычитал в Интернете, что если ребёнок с самого раннего детства много слушает классической музыки, то ему легче учиться в музыкальной школе. «Такие дети, – читал вслух папа, – хорошо усваивают музыкальный материал. Хорошо слышат и понимают музыкальную фразу. И с ритмической организацией у таких детей, как показывает практика, больших проблем не возникает...»

Папа купил много дисков с классикой. Он ставил диск в компьютер, сажал Антошку рядом с собой на диван. Они старались сидеть без движения и прилежно слушать. Но просто сидеть и слушать было ужасно скучно. Тогда они придумали передразнивать музыку. Например, звучит медленная мелодия – и они медленно ходят по комнате. Звучит быстрая – и они начинают бегать, прыгать, вскакивать на диван или ложиться на пол, когда музыка вдруг замирает... Но бегать и

прыгать им тоже скоро стало неинтересно. Тогда они решили придумывать под музыку истории.

Началась эта игра с «Детского альбома» Чайковского. Звучала пьеса «Баба-яга». Антошка повязал на голову папин шарф, на плечи накинул мамин халат – и получилась настоящая Баба-яга.

Она стала кружить вокруг папы и заколдовывать его, делая зловещие пассы руками.

Потом началась следующая пьеса. Папа тут же расколдовался, достал из шкафа мамин резиновый пояс, в котором она утром зарядку делала, чтобы худеть.

– А я буду мужиком с гармошкой, – сказал папа и растянул

пояс. – Помнишь, пьеса называлась «Мужик на гармонике играет»?

– Здорово! – крикнул Антошка.

Баба-яга закружилась вокруг мужика с гармошкой. А мужик своей музыкой отгонял Бабу-ягу и разрушал её злые чары. Пьеса звучала медленно и ласково, потому и персонажи кружились как в замедленной съёмке. Папа с Антошкой решили, что мужик всё же победил Бабу-ягу. И побеждённая Яга превратилась в жаворонка. Потому что следующая пьеса называлась «Песнь жаворонка». Жаворонок стал петь, а бывшая Баба-яга и бывший мужик с гармошкой – смотреть в потолок, как будто это небо, и слушать.

Пьесы в альбоме закончились. Папа быстро поставил другой диск. Звуки обрушились на них мощным потоком. И вот папа с Антошкой уже неслись в этом вихре – над горами, над лесами, а куда нёс их этот ураган – они не знали.

– Антошка-а-а! – кричал папа сквозь ураган, но голос его был едва слышен.

– Папа-а-а... я зде-е-есь! – кричал Антошка в ответ.

Они находили друг друга, брались за руки и уже вместе неслись в бешеном вихре. Пока не свалились, обессиленные, на тихую лесную полянку. Отдышавшись, папа подошёл к компьютеру, вынул диск и прочитал название:

– «Полёт Валькирий». Вагнер. Круто! – сказал папа.

– Круто! – согласился Антошка.

– Совсем вы тут с ума посходили! – констатировала бабушка, заглянув в комнату.

Антошке с папой понравилось летать, и они ещё не раз летали под музыку Вагнера – к большому неудовольствию бабушки.

Но особенно им нравилась музыка, где можно было представлять разных героев – хороших и плохих. И чтобы хорошие и плохие герои друг с другом сражались. Поочерёдно Антошка и папа становились то Аладдином и джинном, то Шреком и Котом в сапогах, то смешариками – такие имена из любимых мультиков давал Антошка. Папа всё больше называл героев из русских сказок – и они с Антошкой превращались в Кощея Бессмертного, Ивана-дурака, Балду, Бармалея и даже в Серого Волка.

Однажды папа принёс диск с Пятой симфонией Бетховена.

– Сегодня здорово поиграем, – сказал папа. – Только это такая музыка... Ух, какая музыка! И надо имена героям дать преважные.

Они стали думать, какие имена можно дать героям, чтобы

они были достойны такой «преважнецкой» музыки, но, так ничего и не придумав, решили, что пусть герои называются просто – Добро и Зло.

В первой части симфонии Зло (его роль, конечно, досталась папе) приходит в комнату, где сидит на диване Добро – Антошка. И начинает на Добро нападать. А Добро растерялось, оно не ожидало от Зла такого коварства. Добро слабо отбивается. Зло становится всё сильнее и наглее. Но совсем одолеть Добро не может.

Во второй части Добро и Зло садятся за стол переговоров. Но Зло, от жадности, предлагает такие условия перемирия, что Добро на них согласиться никак не может.

В третьей части Добро и Зло зовут на помощь всех своих друзей.

В четвёртой части симфонии начинается Великая Битва. Стоит ли говорить, что Добро, конечно, победило. И смертельно раненное Зло рухнуло на диван. Добро вскочило Злу на грудь, собираясь отпраздновать победу. Но вдруг что-то громко хрустнуло – и диван вместе с Добром и Злом повалился на пол. Потому что у дивана подломились передние ножки.

Мама ужасно рассердилась. Добро и Зло, опять превратившись в Антошку и папу, стояли перед мамой опустив головы и просили прощения. Потом они все вместе попытались починить диван, но ничего не вышло. Пришлось купить новый, а старый выносить на помойку.

Вступительные экзамены

Антошке исполнилось шесть лет. Пора было поступать в музыкальную школу. Вступительные экзамены были в конце мая.

Уже с вечера мама нагладила сыну белую рубашку, пи-джак, брюки. Приготовила галстук-бабочку. А папа начи-стил Антошкины туфли. У папы был свой способ чистить туфли. Мама называла его «долгоиграющим». Вечером папа густо намазывал туфли кремом для обуви. Потом, уже перед тем как ложиться спать, щёткой начищал туфли и снова на-мазывал. За ночь крем высыхал. Туфли покрывались туск-лой тёмной коркой. Утром папа ещё раз надраивал туфли щёткой. Долго, пока кожа не начинала блестеть так, что в неё можно было смотреться, как в зеркало.

Экзамены начинались в три часа. Ради такого случая папа отпросился с работы на целый день. Мама сказала, что тоже уйдёт пораньше и встретит их уже в школе.

Утром, собираясь на работу, мама наказала плотно пообе-дать, а часа за два до выхода обязательно принять душ.

– Знаю я вас, – сказала мама. – Как начнёте беситься, бу-дете все взмокшие. И за временем следите. Вы ведь можете не только про душ забыть, но и на экзамены опоздать. Доку-менты я приготовила. На столе лежат.

– Не забудем. Не опоздаем, – пообещали в один голос папа

и Антошка.

А папа добавил:

– И помоемся. Не волнуйся. По-мужски помоемся!

– Ну-ну! – усмехнулась мама и ушла на работу.

Антошке стало интересно, как это – по-мужски мыться?

И чем этот способ отличается от женского? Но папа не стал объяснять, а сел за компьютер доделывать срочную работу. Папа работал технологом на заводе, где делали слуховые аппараты для слабослышащих людей. Завод готовился подписать контракт с итальянской фирмой. И теперь, говорил папа, надо срочно додумать кое-какие детали...

Антошка заскучал. Он послонялся по квартире. В бабушкиной комнате громко разговаривали по телевизору. Это бабушка смотрела сериал – ужасно глупый, про любовь. Антошка ушёл к себе, сел за пианино. Но играть не хотелось.

Включил компьютер. Загрузил игру «Тачки». Но играть в «Тачки» тоже было неохота. Тогда он подошёл к окну, стал смотреть на улицу. За окном тоже ничего не нашлось интересного. Моросило. Серое небо низко висело над крышами соседних домов, будто на улице не весна, а осень. Трава под деревьями была тёмная от дождя. Антошка лёг на диван, закутался с головой в плед. И заснул.

Разбудил Антошку папа.

– Вставай, Антоха! – крикнул он. – Вот мы с тобой балбесы! Хорошо, что мама позвонила. А то бы точно экзамен прошляпили. Я, представляешь, решил полежать немного –

и заснул. Ну-ка бегом в душ! Быстренько, по-мужски!

И Антошка побежал в душ. Теперь он понял, что это за способ. Как будто ты не моешься, а уходящий троллейбус догоняешь – так пришлось всё быстро делать.

Потом наскоро пообедали всем холодным, оделись и побежали в школу на вступительные экзамены. Распогодилось: ярко светило солнце, весело распевали птицы. От утреннего скучного настроения не осталось и следа. Только кое-где на асфальте ещё не высохли лужи.

Во дворе школы их уже ждала мама.

– Что же вы? – укоризненно спросила она. – Чуть не проспали, да? Эх вы! Гриша, ты документы взял? Свидетельство о рождении, фотографию?

– Забыл!.. Я сейчас. Мигом. – И папа побежал домой.

– Хорошо, хоть недалеко живём... – вздохнула мама. – Ну вот что с вами делать?

Они вошли в здание школы. По широкой лестнице поднялись на второй этаж, прошли по длинному коридору к малому залу. Здесь было много народу. Антошка стал рассматривать ребят. Дети были одеты празднично и торжественно – мальчики в костюмах, девочки в нарядных платьях.

Двери открылись. В холл вышла молодая красивая женщина. Ласково погладила по голове девочку, которая стояла ближе всех, улыбнулась.

– Это Елена Владимировна, завуч, – шепнул кто-то рядом с Антошкой.

– Давайте начнём! – сказала Елена Владимировна. – Мы будем прослушивать детей по одному. Вы уж сами здесь решите, кто первым пойдёт, кто вторым...

Антошка хотел пойти первым, но мама его остановила:

– Надо папу подождать. А то он расстроится, что всё пропустил.

Вскоре прибежал папа.

– Не ходили ещё? – спросил он взволнованно.

– Тебя ждём, – ответила мама.

– Молодцы!

– Мы-то молодцы... А вот некоторые, которые документы дома забывают и чуть экзамены не просыпают... – начала было мама.

Но папа её не слушал.

– Сплошь гении и вундеркинды, – пробормотал он, разглядывая детей.

Но вот из зала вышел мальчик. Антошка поднялся со стула, отправился к дверям.

– Пошёл, что ли? – испуганно спросил папа.

– Ни пуха! – пожелала мама.

В небольшом зале было много преподавателей. Они расположились за столом. Антошка огляделся. На стенах висели портреты – только мужчины. А у рояля ожидала пожилая строгая дама в чёрном платье. Седые, почти белые её волосы были собраны на затылке в пучок, а на носу сидели очки с толстыми стёклами.

– Подойди, – позвала Антошку Елена Владимировна.

Антошка несмело пошёл к столу.

– Как тебя зовут?

Антошка сказал фамилию, имя.

– А на чём хочешь учиться играть, Антон?

– На пианино, – ответил Антошка.

– Так... Инструмент дома есть, – сказала Елена Владимировна, посмотрев в разложенные на столе бумаги. – Сейчас Манана Арчиловна тебя послушает. А потом ты опять подойдёшь к нам, хорошо?

Антошка кивнул, направился к роялю.

И вдруг, неожиданно для Антошки, строгая дама предложила поиграть в «дедушкину игру». Правда, она не сказала «дедушкина игра». А сказала, что будет нажимать одну клавишу, две или много, и Антошка должен сказать, сколько звуков она играет. И это было для Антошки так удивительно, что он растерялся. Манана Арчиловна играла. Антошка смотрел на неё, слушал и молчал.

– Что же ты молчишь? – спросила Антошку Елена Владимировна. – Не можешь услышать, сколько звуков?

– Мы в эту игру с дедушкой Ильёй играли, – ответил Антошка. – Только дедушка умер. А пианино мне подарил.

– В какую игру? – не поняла Елена Владимировна.

– Вот в эту, – объяснил Антошка. – Когда звуки угадывать!

– Раз ты уже умеешь играть, что же не отвечаешь? – улыб-

нулась Елена Владимировна.

Антошка пожал плечами. Манана Арчиловна сыграла две ноты. Антошка ответил – две.

Одну ноту – Антошка опять ответил. Тогда Манана Арчиловна сыграла три ноты. И Антошка ответил – три.

– Точно три? – уточнила Манана Арчиловна. – А может, четыре?

– Три, – ответил Антошка. – Только это легко. Вы мне больше сыграйте.

– Вот как? – улыбнулась Манана Арчиловна. – Хорошо. А теперь? – И нажала аккорд.

– Семь, – сказал Антошка.

– Верно! – обрадовалась учительница. – Ну а теперь?.. Отвернись только. – Она нажала на педаль и стала играть. Сначала сыграла две ноты, потом одну, потом три и сразу пять. И это было, как если бы в комнату входили люди – вдвоём зашли, потом один вбежал, за ним следом трое заскочили, а потом сразу пятеро влетели... Антошка слушал внимательно. И аккорд ему очень понравился – все эти люди-звуки были весёлые, они радовались и друг с другом шутили.

– Десять и ещё одна, – сказал Антошка. Он пока умел считать только до десяти.

– Какой умничка! – воскликнула Елена Владимировна.

Стали хлопать в ладоши. Манана Арчиловна хлопала – Антошка повторял и ни разу не сбился.

– Думаю, всё понятно, – обратилась Елена Владимировна к преподавателям. – Ты можешь идти, Антон. И передай родителям, чтобы подождали немного. Мне поговорить с ними надо.

– А песенку? – спросил Антошка.

Он помнил, что папа говорил – обязательно придётся петь. Так на одном форуме было написано. Они долго выбирали, какую спеть песню. Папа хотел, чтобы Антошка спел «Надежду». Это была папина любимая:

Светит незнакомая звезда,
Снова мы оторваны от дома,
Снова между нами города,
Звёздные огни аэродрома...

А мама возражала, что надо выбрать что-нибудь детское, про кузнечика например. Или «От улыбки хмурый день светлей...».

А папа спорил, что если «Надежду» не петь, то пусть поёт «Пробуждальную песенку». Эту песню он тоже нашёл в Интернете. Они с Антошкой выучили её и по утрам с удовольствием распевали:

По ресничкам бегают
Солнечные зайчики.
Просыпайтесь, девочки,
Просыпайтесь, мальчики,
Кати и Наташи,
Пети и Серёжи,
И кастрюльки с манной кашей,
Просыпайтесь тоже...

– А какую ты хочешь песенку спеть? – спросила Елена Владимировна.

– «Пробуждальную», – подумав, сказал Антошка.

– Давай послушаем.

Антошка запел. Манана Арчиловна стала ему аккомпанировать. Получилось очень красиво. И Елена Владимировна, и педагоги Антошке улыбались. А старенький учитель в очках даже подпевал.

В холле все стали оглядываться на Антошку. Папа смущённо сказал:

– Ну ты и горланил!

А мама обняла и тихо спросила:

– Не страшно было?

– Нисколечко! – бодро ответил Антошка.

Из зала вышла завуч Елена Владимировна. Она отвела Антошкиных родителей в сторонку. Антошка разговора не слышал, но понял, что говорят о нём.

Всю дорогу домой папа пересказывал слова Елены Владимировны – о том, что у Антошки прекрасные музыкальные данные и ему обязательно надо учиться, и про абсолютный слух. Ещё Елена Владимировна сказала, что Антошка будет учиться у Мананы Арчиловны. «Это наш самый сильный преподаватель!» – сказала Елена Владимировна. И папа, вспоминая эти слова, с гордостью говорил, что если в такой школе, где учатся сплошь гении и вундеркинды, отдают учиться к самому сильному преподавателю – это и правда

здорово.

Шли мимо продуктового магазина. Папа крикнул, чтобы его подождали. И скоро вернулся с огромным арбузом.

– Этот арбуз целое состояние сейчас стоит! – всплеснула руками мама. – Не сезон же!

– Для сына мне ничего не жалко! – гордо ответил папа и подбросил арбуз над головой. Он красиво летел – как большой полосатый мячик.

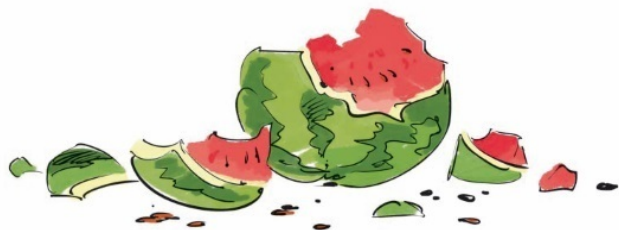
– Разобьёшь! – вскрикнула мама.

– Да что мы, арбузов не носили, что ли?! – радостно ответил папа и ещё раз подкинул арбуз, нарочно повыше.

Арбуз пролетел сквозь папины руки и разбился об асфальт. Красная мякоть брызнула во все стороны, особенно папе на ботинки и на брюки. Хороший был арбуз, спелый.

Мама смотрела на остатки арбуза и едва не плакала. Зато папа, кажется, совершенно не огорчился.

– Что мы, разбитых арбузов не видели, что ли? – сказал он бодро и опять побежал в магазин, откуда через пять минут вынес новый арбуз – больше прежнего.

Первый школьный день

Первого сентября Антошку в музыкальную школу повела бабушка. Папа с мамой не смогли отпроситься с работы. Регистрация учеников начиналась в три часа. Но, как и предсказывала мама, бабушка долго собиралась – разогревала суп на плите, ела, одевалась, искала зонтик, – в тот день шёл дождь и дул холодный ветер. Вышли они только в начале четвёртого. Медленно шли по улице – у бабушки сильно разболелись ноги. Она ворчала всю дорогу: «Тащи теперь, бабушка, такую ношу...»

Но Антошка бабушку не слушал. Он бежал впереди.

Бабушка кричала сердито:

– Стой, Антон! – И приходилось то и дело останавливаться, ждать.

– Бабушка, – торопил Антошка, – ну мы же опоздаем! Уже, наверное, урок идёт!

– Пусть себе идёт. А мы что, не идём, что ли? – хмурилась бабушка.

– Бабушка... ну бабушка! – чуть не плакал Антошка. – Уже всё скоро закончится!

– Не закончится! – ворчала бабушка. – И не гони меня. Скажите спасибо, что вообще иду... Ох... сил моих нет на это смотреть. Смерти вы моей желаете, вот что...

В просторном холле школы стояли столы с табличками,

на табличках были напечатаны фамилии, имена и отчества преподавателей. За каждым столом сидел учитель и отмечал своих учеников. Антошка уже знал, что будет у Мананы Арчиловны, и сразу побежал к ней.

– Добрый день, – улыбнулась Манана Арчиловна. – Все уже пришли. Вас ждём. Мы сейчас с Антоном пойдём в класс, познакомимся. А потом старшие дети друг другу поиграют.

И они с Антошкой пошли. А бабушка осталась внизу – ворчать и охать.

Класс Мананы Арчиловны был просторный и светлый. На окнах белые шторы. На подоконниках целый лес цветов в горшках. Два рояля помещались бок о бок. На стенах, как и в малом зале, рядом висели строгие портреты композиторов, под ними стояли скучные чёрные стулья, а в углу класса Антон заметил даже диван.

Три мальчика и четыре девочки обернулись к двери и теперь рассматривали Антошку.

Антошка застенялся и спрятался за спину Мананы Ар-

ЧИЛОВНЫ.

– Хочу вас познакомить с новым учеником, – сказала та и за руку подвела Антошку к ребятам. – Прошу любить и жаловать. Он будет учиться в нашем классе, и мы очень надеемся, что Антон покажет себя прилежным учеником. А теперь давайте поиграем. Ты, Антон, садись и внимательно слушай. Это наша традиция: Первого сентября ребята играют друг другу то, что было задано на каникулы. Тем более что Серёже Алдонину уже в октябре предстоит участвовать в конкурсе, и ему надо почаще обыгрывать программу на публике.

Антошка, пока Манана Арчиловна говорила, тоже рассматривал детей. Они были разного возраста, но шестилетнему Антошке все казались одинаково взрослыми. Кроме одного мальчика. Он был старше Антошки совсем ненамного. Мальчик показался знакомым. Тёмные длинные волосы были зачёсаны назад, брови и глаза на бледном лице выглядели словно нарисованными чёрной краской. Такие лица Антошка видел в мультиках: у эльфа из сказки «Дюймовочка» было такое лицо, ещё у Щелкунчика, когда он уже превратился в принца. Только те герои были светловолосые – вот и вся разница.

– Садись же, Антон! – сказала Манана Арчиловна. Антошка подошёл и сел рядом с мальчиком. – Давайте начинать. Начнём с тебя, Оленька. Выходи и объявляй программу.

Оленька – это была толстая девочка в очках – вышла к

роялю и торжественно произнесла:

– Мендельсон, «Песня без слов».

Потом села и стала играть.

Антошка слушал и представлял, как ветер раскачивает верхушки деревьев, как тяжёлые грозные тучи наползают на небо, как сверкают молнии и вот-вот прольётся дождь. Такую грозу они застали с папой, когда возвращались на великах из парка. Они тогда едва успели выехать на шоссе и спрятались под стеклянным навесом автобусной остановки. Хлынул дождь стеной, заколотил по крыше. Папа не смог вкатить велик под навес целиком, и сиденье, заднее крыло, багажник мигом намокли, а переднее колесо и руль остались совершенно сухими. Антошка с папой тогда ужасно смеялись.

«Это разве песня?» – удивился про себя Антошка. Он думал, что песня – это когда люди поют.

Но ведь и гроза может петь песню, решил он и прошептал:

– Здорово...

– Что – здорово? – усмехнулся мальчик и тихо добавил: –

Стучит как дура.

Антошка удивился.

Оленька закончила играть, неуклюже выбралась из-за рояля.

Следующим вызвали Сашу Подрезова. Он был высокий, худой и кудрявый – полная противоположность Оленьке. Саша тоже играл «Песню без слов», но это была другая песня.

Теперь Антошка увидел, как после грозы небо снова ста-

ло синим, выглянуло солнце и как они с папой, промокшие, немного озябшие, но и счастливые едут домой. Над деревьями, над крышами высоко в небе висит радуга. Папа оглядывается на Антошку, весело что-то кричит, а потом разгоняется и въезжает в самую большую лужу – и брызги окатывают его с ног до головы, а он смеётся. Антошка вслед за папой тоже въезжает в лужу. На миг становится страшно, потому что где-то на середине ему вдруг кажется, что это не лужа на дороге, а большой пруд и он, Антошка, едет не по асфальту, а по воде и сейчас ухнет глубоко вниз, на самое дно.

– Теперь ты, Коля... Мы с Колей сыграем концерт, который учили в прошлом году. – Манана Арчиловна села за второй рояль.

Коля был самый взрослый. Антошка заметил, что у него уже пробиваются над верхней губой усы.

– Прокофьев. Второй концерт для фортепиано с оркестром соль минор, – объявил Коля.

Они стали играть. Антошка замер. Мощные гордые звуки захватили его. Он вспомнил картину, которую видел летом, когда с мамой и папой отдыхал на море.

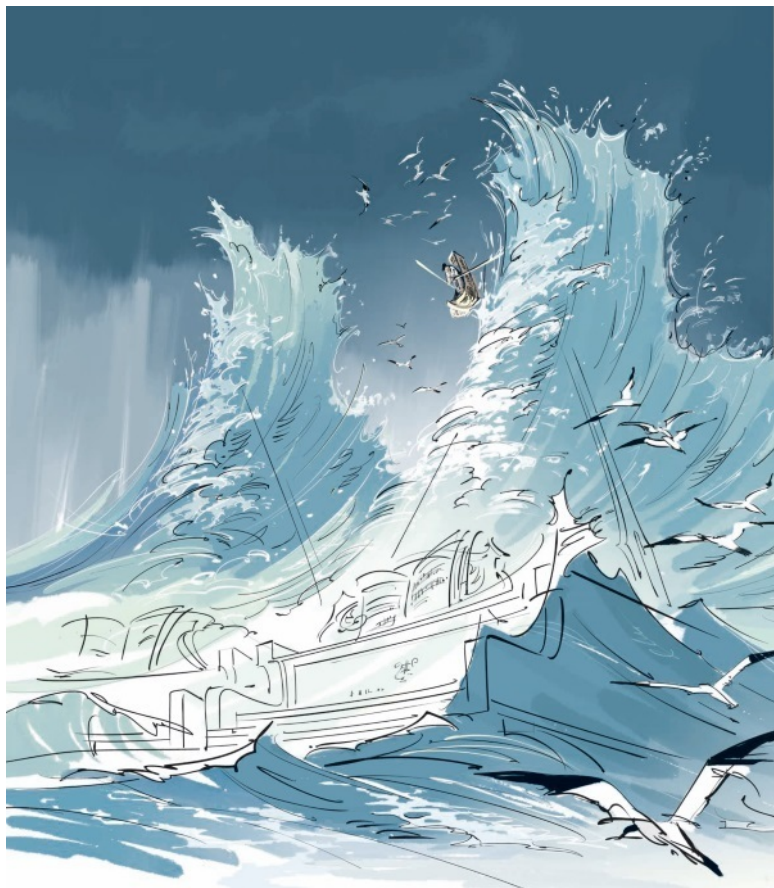
Тогда Антошка с родителями пошли смотреть картины в местную галерею. Больше всего Антошке понравилась картина, на которой бушевал шторм, а навстречу волне бесстрашно плыл в лодке человек. Волна была огромная, а человек маленький. И лодка у него была маленькая.

«Пап, а человек утонет?» – спросил Антошка.

«Выберется», – весело сказал папа и подмигнул сыну.

Потом Антошка всё смотрел на море, на настоящее море, и ждал, когда же начнётся буря, как на картине. Но буря так и не началась. Всё время, пока они отдыхали, стояла сухая и жаркая погода. Всего один раз ночью покрапал редкий дождик. Но утром опять светило солнце и весело пели птицы.

Только сейчас Антошка увидел не разгар бури, как на картине, а когда буря только начиналась. И как человек изо всех сил пытался уплыть от бури туда, где на горизонте ещё светило солнце. Но за его спиной уже закипало море, вспыхивали молнии, гремел гром, и вот уже чёрные тучи за клубились над самой головой человека. Всё же он не останавливал бег лодочки, то поднимаясь на волну, то обрушиваясь вниз, в холодную страшную яму, в которой отражались молнии. Но силы были слишком неравные. И вот вокруг человека поднялись, как скалы, громадные волны, неистовый ветер затрепал, закружил лодочку..

В какой-то момент Антошка не выдержал, вскочил. Он увидел, как громадная волна обрушивается на уставшего испуганного человека, срывает его с лодки – он летит в воду,

и над ним смыкается море.

– Утонул! – крикнул Антошка.

– Вот псих! – рядом кто-то рассмеялся.

Антошка очнулся, посмотрел вокруг. Громко смеялся его сосед, другие ребята тоже улыбались. Не смеялась только Манана Арчиловна.

Антошка сел на место. Он вдруг почувствовал, что очень устал.

– Ладно, ребята, давайте продолжим, – сказала учительница и внимательно посмотрела на Антошку.

К роялю вышла следующая девочка. Но Антошка плохо её слушал.

– Что разорался-то? – шепнул ему на ухо сосед. Антошка не ответил.

– Ладно... проехали! – усмехнулся сосед. – Слушай, у тебя какой телефон?

– Телефон? – переспросил Антошка удивлённо.

– Ну да... Телефон у тебя какой?

Антошка достал телефон из кармана, протянул мальчику.

– Каменный век. Спрячь, не позорься, – сказал мальчик надменно.

Антошка сначала его не понял. Этот телефон подарили ему на день рождения папа, мама и бабушка. Это был его первый телефон. И Антошке очень нравилось, что вот у него есть свой телефон, как у взрослого. И он очень своим телефоном гордился.

– Только у лохов такие телефоны, понял? – не унимался сосед. – Во, смотри!

И он вытащил свой. Это был очень красивый телефон. Такой большой, что едва помещался у мальчика в ладони.

– Айфон, – сказал мальчик гордо.

Антошка вспомнил, что папа тоже мечтал купить себе такой. Но это было слишком дорого, и поэтому папа только вздыхал и говорил, что когда-нибудь они разбогатеют. И он тогда купит десять тысяч крутых айфонов, как Карлсон, а маме дублёнку, о которой она мечтает уже лет триста.

– Теперь ты, Серёжа, – сказала Манана Арчиловна. – Нам с Серёжей Алдоныным предстоит выступать на очень серьёзном конкурсе. Серёжа молодец. Чтобы подготовиться, он на каникулах остался в городе, и мы всё лето занимались. Только в середине августа небольшой перерыв сделали. Объявляй программу.

Антошкин сосед спрятал айфон обратно в карман и гордо вышел к роялю.

Он объявил программу, стал играть. Но Антошка его плохо слышал, только следил заворожённо, как быстро бегают пальцы по клавишам. Ему было обидно, что Серёжка над его телефоном посмеялся.

Алдонин перестал играть. Подошёл и сел на прежнее место. Насмешливо посмотрел на Антошку. Антошка отвернулся.

Вечером папа с мамой пришли с работы весёлые. Мама

купила торт, а папа – детское шампанское.

Когда они сели за стол и позвали сына отмечать Первое сентября, он подошёл к ним, положил телефон на стол, низко наклонил голову, прошептал:

– Вот... – И одним пальцем двинул телефон по столу к родителям.

– Ты что это, Антоха? – весело спросил папа. – Что такой пришибленный?

Антошка наклонил голову ещё ниже и шёпотом повторил слова Серёжки Алдонина:

– Только у лохов такой телефон...

– Что-о?! – удивился папа.

Мама подошла к Антошке, присела перед ним на корточки, заглянула в лицо:

– Что случилось, солнышко?

– Кто это тебе про лохов сказал? – Папа, кажется, рассердился.

– Там один мальчик был... Серёжа... Он сказал, что только у лохов такой телефон... – прошептал Антошка. – Пап, а тот человек утонул...

– Какой человек? Кто утонул? – растерялся папа.

– Помнишь, на картине, летом... Ты сказал, что он выберется. А он утонул... – Антошка поднял голову, серьёзно посмотрел на папу. – Там музыку играли. Я слушал. Он утонул, пап...

И тут Антошка неожиданно для себя почувствовал, что

по щекам его текут слёзы.

– Добро пожаловать во взрослую жизнь... – вздохнул папа.

– Вы о чём вообще? – не поняла мама. – Можете толком объяснить?

Но папа ничего не ответил. И Антошка тоже промолчал.

Тогда мама прижала Антошку к себе, стала гладить его по голове и шептать ласковые успокоительные слова.

Как Антошка нарисовал утро

Антошка не любил просыпаться в воскресенье. Другое дело – в будние дни, когда папа и мама собирались на работу. В будние дни по утрам было шумно и весело. Папа, собираясь, каждый раз что-то терял. То и дело было слышно:

– Свет, где мои перчатки?

– Свет, а где мой свитер, тот, в чёрную полоску?

– Куда я рюкзак засунул? Светка, ты не знаешь, где мой рюкзак?

Мама вздыхала:

– Зачем человеку жена? Чтобы отвечать на вопрос «где?» – и находила папины перчатки, свитер и рюкзак.

Потом они всей семьёй садились за стол. И всегда папа спешил пересказать, что он недавно читал.

Темы были самые разные: о папуасах Гвинеи и о том, чем они любят завтракать, или о том, что инки выстроили очень чистоплотную цивилизацию. Например, если ребёнка ловили на улицах города чумазым, то приводили его к родителям и заставляли вымыть.

– В чане или в корыте, в чём они тогда своих детей мыли, я не знаю, – рассказывал папа, – а воду, в которой только что помыли сына или дочку, – выпить.

– Какой ужас! – говорила мама и выразительно смотрела на Антошку.

Антошка съёживался и потихоньку вытирал руки о штаны.

– Бах был очень весёлым человеком и любил застолья, – говорит, к примеру, папа.

– А что, Бах не человек? – спрашивает мама. – Почему бы ему не любить застолья?

– Тот-то и оно, – отвечает папа. – Когда я слушаю, например, его органную музыку, то мне кажется, что эту музыку не человек написал, а памятник.

– Ты ври, да не завирайся, – улыбается мама. – Тебя ребёнок слушает. А ребёнок, между прочим, музыкой занимается. Ну какой ещё памятник?

– Чугунный, – отвечает папа серьёзно. – Здоровый такой. В парике.

И Антошка живо представляет, как чугунный памятник подходит к пианино, со скрежетом садится на стул, и стул под ним ломается. Памятник встаёт с пола, уже стоя кладёт руки на клавиши, раздаётся звон и треск – это струны не выдерживают и лопаются, а клавиши проваливаются...

– Ты что замер, Антоха? – спрашивает папа.

Антошка срывается из-за стола и бежит к инструменту, открывает крышку, нажимает сразу несколько клавиш – и вот уже памятник, тяжело ступая, бродит по комнате, выходит в коридор...

– Антон, – кричит мама, – это что такое?!

– Памятник! – в ответ кричит Антошка из комнаты.

– Какой ещё памятник? – не понимает мама.

– Чугунный, – объясняет папа. – Антоха памятник Баха нарисовал. Ладно, пусть он с нами завтракать садится. Идите сюда вместе с памятником. И бабушку захватите: что-то она сегодня к столу опаздывает.

Было воскресенье. Антошка лежал в постели, и ему было грустно оттого, что папа и мама пока не проснулись. Слышно было только бабушку. Она готовила завтрак, гудела вытяжка на кухне, на плите что-то сердито шипело.

Тут Антошка вспомнил, что папа обещал покататься с ним по парку на велосипеде и покормить белок.

– Только если будет хорошая погода, – сказала мама строго.

– Что я, ребёнка в дождь поташу белок кормить? – ответил папа.

Антошка вскочил и подбежал к окну. Было ещё темно. Под светом фонарей дорога и машины, припаркованные на тротуаре, качели на детской площадке, стволы и ветви берёз и каштана были как нарисованные на тёмной бумаге. И люди, что шли мимо дома, тоже казались Антошке нарисованными. Ему захотелось раскрасить эту картинку – передать ритм шагов вон того дяденьки, что на ходу разговаривает по телефону, а голос его не слышен; и как со стоянки отъезжает машина, и как свет от её фар скользит по деревьям; и как обвешан разноцветными фонарями-окнами громадный дом

напротив...

Но Антошка понимал, что если сейчас будет играть, то папа с мамой рассердятся. Он вздохнул, отошёл от окна, лёг в постель и стал представлять, как идёт дяденька по улице – как будто марширует: раз-два, раз-два. Антошка уже выучил этот размер, он назывался две четверти. А дяденьке навстречу, чуть припадая на переднюю лапу, в размере четыре четверти бежит собака: раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре, – она торопится по очень важным собачьим делам.

У дяденьки широкий шаг. У собаки – мелкий и стремительный.

Антошка «нарисовал» дяденькины шаги низкими, а потому тяжёлыми звуками. «Он ведь большой и тяжёлый», – подумал Антошка. А шаги собаки – высокими и быстрыми. Ритм шагов дяденьки и собаки зазвучали в Антошкиной голове так ясно и так ярко, что больше он уже не мог лежать без движения.

Антошка вскочил с дивана, пробежал по комнате, стара-

ясь попасть в ритм собачьих шагов. Потом стал ходить медленно, изображая дяденьку с телефоном. Но не выдержал медленного темпа, начал опять бегать. Звуки в голове становились всё громче... И вдруг Антошка услышал ещё один ритм – свой собственный. Три мелодии-ритма свились сейчас в Антошкиной голове в один колючий комок.

Надо было что-то срочно сделать, иначе голова, так казалось Антошке, разорвётся и разлетится на мелкие кусочки. Или он задохнется – так ему трудно стало дышать.

Он быстро сел за пианино. Стал подбирать мелодии и ритмы, что сейчас кололи ему голову. Колючий комок сразу уменьшился – и скоро исчез совсем. Антошка выдохнул и перестал играть. И увидел, что на пороге комнаты стоят папа, мама и бабушка и смотрят на него. Антошка думал, что они будут ругаться. Но они не стали.

– Давай лапу, Антоха, – сказал папа. – Не знаю, что ты такое изобразил. Но звучало... обалдеть, как звучало!

Храбрая белка и бабушкино лето

День выдался яркий и солнечный. Но папа о своём обещании погулять с Антошкой и покормить в парке белок забыл.

Ему так понравилась Антошкина пьеса, что после завтрака он стал искать в Интернете программу для записи музыки и сканирования. Потому что Антошка повторить музыку не смог, когда папа попросил его ещё раз сыграть своё сочинение.

– Хорошо бы такую программу найти, чтобы звуки сразу в ноты переводились! – кричал папа маме. Мама в кухне мыла посуду. – Вот ты играешь, а компьютер сразу нотами музыку записывает... Здорово, правда?

– Очень, – отвечала мама. – Только Антошка на пианино играет, а не на компьютере. Не забывай.

– Это понятно, – говорил папа. – Потом что-нибудь придумаем. На диктофон запишем. Пока надо с программой разобраться.

Антошка томился рядом.

Один раз он попытался напомнить папе о прогулке, но папа был так увлечён поиском программы, что Антошку даже не расслышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.